

Однако этот фрагмент впервые цитируется автором значительно более раннего времени – Светонием, в написанном по-гречески сочинении «Об играх у эллинов» (Suet. De lud. Graec. 8). Наконец, самое курьезное упущение. В хронологической таблице к книге (с. 521) фигурируют такие сомнительные с точки зрения историчности события, как остракизмы Менона, Дамона и др., но при этом парадоксальным образом оказался забыт надежно зафиксированный и точно датированный остракизм Кимона (461 г. до н.э.).

Итак, замечаний к рецензируемой монографии более чем достаточно. Тем не менее нельзя отрицать и того, что она станет отныне ценным подспорьем для каждого, кто занимается афинским остракизмом. Пусть книга не вполне оправдала возлагавшиеся на нее ожидания; все же без учета содержащихся в ней данных теперь будет невозможно ни одно новое исследование об остракизме.

И.Е. Суриков

© 2005 г.

И.Г. ГУРИН. Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской республики в начальный период гражданских войн. Самара: Самарский университет, 2001. 320 с.

Интерес ученых к серторианской проблематике в последние десятилетия заметно возрос – достаточно назвать работы Ф.О. Спанна, Ф. Гарсиа Мора, К.Ф. Конрада и др.¹ Однако в отечественной научной литературе монографии на эту тему отсутствовали. Исследование И.Г. Гурина во многом восполняет данный пробел.

Книга открывается введением, в котором дается краткий обзор источников и литературы вопроса. В I главе рассматриваются положение на Пиренейском полуострове в начале I в. (здесь и далее – до нашей эры), наместничество Сертория в Ближней Испании и его борьба с сулланцами до наступления на иберийские провинции Рима в 80 г. Автор дает интересный очерк политического, этнического и экономического развития Испании в тот период, соглашаясь с учеными, которые считают, что иные ее районы были романизированы даже больше, чем некоторые области Италии.

Говоря о прибытии Сертория в Ближнюю Испанию в 82 г., И.Г. Гурин указывает, что распространенное мнение о насильственном установлении им контроля над провинцией не подтверждается источниками. Он считает, что говорить о конфликте Сертория с местным населением, как иногда делают, нельзя. Однако Эксуперанций пишет, что Серторию по прибытии в Иберию удалось склонить на свою сторону готовых к отпадению испанцев (8. 51Z). На то же намекает и Плутарх, говоря, что военные приготовления наместника внушали страх врагам (Sert. 6. 9), – надо думать, имеются в виду туземцы, а не куда более сильные сулланцы.

Автор отвергает мнение ряда ученых о контроле Сертория над обеими испанскими провинциями, полагая, что тот контролировал лишь Hispania Citerior. Анализируя его отношения с испанцами, И.Г. Гурин указывает, что уступки проконсула провинциалам были обусловлены ситуацией – не имея клиентелы, он стремился обрести поддержку местного населения нестандартными методами управления. Впрочем, единственным серьезным новшеством была отмена постоя войск в городах. В целом мероприятия Сертория «... не вышли за рамки одного из направлений римской провинциальной политики (причем официально декларированного), признающего необходимость защиты интересов провинциалов, и были направлены на завоевание благожелательного

¹ Spann Ph.O. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987; García Morá F. Quinto Sertorio. Roma. Granada, 1991; *idem*. Un episodio de la Hispania Republicana: la guerra de Sertorio. Granada, 1991; Rijkhoek K.G. Studien zu Sertorius (123–83 v. Chr.). Bonn, 1992; Konrad C.F. Plutarch's Sertorius: A Commentary. Chapel Hill–London, 1994; Короленков А.В. Квинт Серторий. Политическая биография. СПб., 2003.

нейтралитета» туземцев (с. 42–43). По мнению автора, Серторий опирался в основном на римско-италийских поселенцев и поддержкой широких кругов испанцев не пользовался. В итоге, не имея достаточно войск, он не смог противостоять сулланцам в 81 г., был разгромлен и бежал из Испании.

В отличие от ряда историков И.Г. Гурин считает, что Серторий собирался присоединиться к марианцам в провинции Африка, а не действовать в Мавретании. Его высадка в последней была вызвана лишь потребностью запастись водой. Но вскоре марианцев в Африке постиг разгром, и направляться туда теперь не имело смысла.

Комментируя союз Сертория с пиратами, автор указывает, что те наносили огромный урон Риму и поэтому юридическое обоснование поступка проконсула-изгнанника особого значения не имеет – в любом случае *de facto* это был малопохвальный с римской точки зрения шаг. По мнению автора, союз рассматривался сторонами как вынужденный и временный, и реально пираты Серторию не подчинялись.

Интересна трактовка рассказа о намерении Сертория отплыть на «Острова Блаженных»: последний вовсе не собирался отправляться туда (почему же тогда не отправился?), а лишь пугал такой перспективой лузитан, с которыми во время третьей своей высадки в Испании вел переговоры о приглашении в качестве вождя – ведь в случае отъезда Сертория лузитаны лишались чести иметь полководцем римского проконсула. Эта гипотеза не подтверждается источниками, впрочем И.Г. Гурин и не настаивает на ее беспорности. Но безусловно верной представляется его мысль о том, что изгнанник лишь имитировал желание удалиться *procul negotiis* в «райские» края. Обычно искренность его намерений не вызывает сомнений у ученых².

Иначе, чем другие историки, интерпретирует автор рассказ Плутарха о приглашении Сертория лузитанами в 80 г. (Sert. 10. 1). По его мнению, не испанцы, а сам Серторий добился того, что ему предложили стать вождем ряда туземных общин, – недаром Плутарх пишет о спутниках Сертория, от которых лузитаны узнали о его достоинствах. Очевидно, они были специально отправлены в Иберию для контактов с лузитанами и подготовили соглашение между ними и марианским проконсулом. При этом И.Г. Гурин полагает, что римлянин не мог еще обладать репутацией талантливого полководца в глазах испанцев, ибо в своей единственной крупной кампании (в 81 г. в Ближней Испании) он потерпел сокрушительное поражение, а его победы в Мавретании были одержаны над слабым и малочисленным врагом. Лузитаны же пригласили Сертория для того, чтобы вместе с ним заполучить его спутников, «... которых было в любом случае достаточно для командного состава небольшой армии или для группы военных советников» (с. 56). Таким образом лузитаны хотели использовать нестабильную ситуацию в Риме в своих интересах. Позволю себе оговорку: победы Сертория в Мавретании были не слишком масштабны, но это не значит, что они не могли произвести впечатления на лузитан – все зависит от того, как преподнести информацию.

Во II главе анализируются боевые действия в Испании на начальном этапе Серторианской войны (80–77 гг.). Автор считает, что основная часть операций разворачивалась на юге Испании, прежде всего в Бетике. И.Г. Гурин полагает, что повстанцы захватили не только почти всю *Hispania Citerior*, но и большую часть *Hispania Ulterior* (Бетику) и левантийского побережья Пиренейского полуострова. Думается, однако, что повстанцы, хотя и господствовали какое-то время в южной провинции, вскоре почти полностью ее утратили – как известно, по прибытии Метелла Серторий перешел к методам партизанской войны, которую вел, судя по описанию Плутарха, не в богатой Бетике (на чем настаивает И.Г. Гурин), а в бедной Лузитании – иначе говоря, Бетику он просто оставил. Правда, позднее повстанцы могли вернуть ее, но это ничем не подтверждается. Не доказано и то, что Серторий владел основной частью побережья – из источников следует лишь факт контроля инсургентов над Валенцией весной или летом 75 г. и какое-то время перед тем (Sall. Hist. II. 98. 6)³.

² Только П. Тревсс счел весь эпизод выдумкой Саллюстия (Treves P. Sertorio // *Athenaeum*. N.S. 1932. 10. P. 133). Ф. Гарсиа Мора меланхолически замечает, что мы все равно не знаем, собирался ли Серторий в действительности плыть на острова в Океане (Un episodio... P. 44).

³ Некоторые ученые считают серторианской чеканку другого прибрежного города, Сагунта (Crawford M.H. Coinage and Money under the Roman Republic: Italy and the Mediterranean Economy. L., 1985. P. 211; Garcia Morá. Un episodio... P. 260).

В III главе рассматривается организация созданного Серторием государства. По мнению автора, Серторий не входил в состав созданного им сената и оставался в ранге проконсула, а квестор Л. Гиртулей являлся его заместителем. Роль Сертория в руководстве восстанием, возможно, была оформлена процедурой выборов, а полномочия продлены созданным при нем сенатом. Что касается последнего, то наличие в Испании «своего» сената давало возможность провинциалам иметь дело напрямую с правительством, что «... должно было отвечать интересам проримских групп населения Испании» (с. 115). Цель создания сената, по мнению автора, состояла не только и, видимо, не столько в том, чтобы удовлетворить честолюбие римлян – соратников Сертория, сколько в желании верхушки последних ограничить его влияние. Реальная власть Сертория и «сената», естественно, определялась раскладом сил. Пока власть и авторитет предводителя восстания были сильны, существование «сената» работало на их укрепление, когда они стали слабеть, то «сенат» способствовал еще большему их упадку.

Особую роль автор отводит съездам представителей общин, описанным Ливием (ХСГ). Он ставит их в один ряд с провинциальными собраниями, которые тогда уже существовали на Сицилии и в Азии. Думается, однако, что для такого отождествления оснований недостаточно. Прежде всего бросается в глаза различие в функциях – провинциальные собрания имели сугубо гражданскую компетенцию, да и наместник в их работе не участвовал⁴, чего нельзя сказать о съездах при Сертории. В то же время нельзя не согласиться с мыслью о важной их роли в восстании, обычно историками игнорируемой.

Участников восстания автор подразделяет на следующие группы: римские эмигранты, римско-италийские поселенцы (*Hispanienses*), а также местные жители, из которых одни стремились к улучшению своего положения под властью римлян, а другие – к максимальному ослаблению или даже ликвидации римского господства. И.Г. Гурин указывает, что снижение налогов, отмена постоев в городах, ограничение произвола и т.п. обеспечили Серторию поддержку *Hispanienses*, но испанская верхушка добивалась также большего влияния на дела провинциального управления. Именно этой цели служили довольно многочисленным пожалованиям Серторием *civitas Romana*.

Касаясь вопроса о знаменитой школе в Оске, автор отмечает, что вряд ли можно говорить о захвате заложников как о главной цели ее создания – таковые были у Сертория и без этого (Апп. ВС. I. 114). Он также полагает, что при оценке оскской «академии» важно не желание серторианцев иметь заложников, а согласие испанских аристократов отдавать туда своих детей.

Вообще же, как указывает исследователь, Серторий тонко лавировал между различными группами участников восстания, делая уступки то одним, то другим. Римляне до поры до времени сохраняли руководство движением, но с мнением туземцев стали считаться куда больше, чем в прежние годы. На монетах вновь появляются местные символы, что имело немалое пропагандистское значение. Укреплению власти Сертория над испанцами способствовала система клиентелы, наиболее ярким примером которой стало создание дружины из лично преданных ему воинов (Плут. Серт. 14. 5–6). Вообще же «... политика серторианцев способствовала возрождению этнического самосознания туземцев, признавая ценность той части их культуры, которая не несла угрозы для римлян» (с. 144).

Говоря о повстанческой армии, автор указывает, что в разное время она имела разный состав, тогда как обычно просто отмечают, что она состояла из отрядов храбрых, но малодисциплинированных и непригодных к «правильной» войне испанцев. В войска Гиртулея, а затем и Сертория входило немало жителей сильно романизированной Беттики⁵. Костяк корпуса Перперны в начале 76 г. (или 75 – см. ниже), по всей видимости, составляли участники движения Лепида. Армия Сертория в 76–75 гг. была укомплектована во многом за счет жителей восточного побережья Испании (также весьма романизованного). Это аргументируется указанием Плутарха на то, что Серторий дал битву при Сукроне незадолго до захода солнца, ибо в темноте солдатам Помпея, не знавшим местности, было бы трудно ориентироваться – в отличие от его собственных воинов

⁴ Deisinger J. Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. München–Berlin, 1965. S. 191.

⁵ См. также Spann. Op. cit. P. 66.

(Plut. Ser. 19. 4). Стало быть, полагает И.Г. Гурия, серторианцы знали местность неплохо – очевидно, они были ее уроженцами. Однако последнее из слов Плутарха никак не вытекает. Да и верно ли Плутарх передал намерения Сертория? Бой мог затянуться до вечера вообще вопреки его планам, стало быть, на темноту он вовсе не рассчитывал, а соответствующие рассуждения херонейца опираются на знание происшедшего⁶.

И.Г. Гурия резонно возражает против распространенного мнения о том, что армия Гиртулея в 76–75 гг. состояла в основном из лузитан и в битве при Италике погибла почти полностью. Ни то, ни другое не опирается на данные источников. По-видимому, значительная ее часть была укомплектована опять-таки за счет жителей Бетики. Вообще же, полагает автор, до конца 75 г. Серторий старался как можно меньше допускать в армию представителей антиримских настроенных племен, и в большинстве своем его войско состояло из римлян, италийцев, Hispanienses и романизированных провинциалов. Поэтому до определенного момента оно было опорой сторонников римского господства в Испании. Однако после вытеснения повстанцев в 75 г. из романизированных районов среди инсургентов стали численно преобладать противники Рима. При этом И.Г. Гурия, полемизируя с другими историками, высоко оценивает боеспособность сил восставших, отмечая ее не только у римско-италийских, но и у испанских войск.

IV глава посвящена событиям кампании 76 г. Автор относит к ее началу события, описанные во фрагменте ХСI книги Ливия. Поэтому он полагает, что Серторий отправился против беронов и автриконов, Помпей же тем временем стал стремительно продвигаться по средиземноморскому побережью Испании, после чего Серторий прибыл туда и разбил Помпея при Лавроне. Тем временем Метелл разгромил армию Гиртулея при Италике и захватил ту часть Бетики, которую контролировали повстанцы, причиной чего во многом была поддержка Метелла местным романизированным населением. (Это, как подчеркивает ученый, лишило инсургентов богатейшей области Испании и ее ресурсов.) Затем Метелл ушел к Пиренеям. Помпей же в конце кампании, по-видимому, овладел Бельгидой.

В V главе представлена реконструкция кампании 75 г. Картина ее видится И.Г. Гурия следующей. Помпей разгромил Перперну и Геренния при Валенции, но потерпел поражение от Сертория при Сукроне. Метелл же уничтожил войско Гиртулея при Сеговии, поставив под вопрос власть серторианцев над Кельтиберией. Серторию пришлось направиться туда. В битве при Сегонтии повстанцы не смогли разбить римлян и отошли к Клунии, осада которой не принесла войскам сената успеха. По дороге к Клунии (не в 77 г., как обычно считается) и произошел, по мнению автора, известный эпизод с осадой харакитан⁷, принужденных к сдаче ветром, который гнал к их пещерам тучи пыли (Plut. Ser. 17). Итогом кампании стала потеря серторианцами почти всего восточного побережья, Ближней Кельтиберии и области южных ваккеев. Положение их катастрофически ухудшилось.

Эта схема требует, на мой взгляд, определенных поправок. Прежде всего автор не доказал, что фрагмент ХСI книги Ливия надо относить к событиям рубежа 77–76 гг. – вполне вероятно, речь идет о 76/75 гг.⁸ Битвы же при Сеговии или не было вообще⁹, или она случилась много раньше и не имела отношения к этой кампании. А Гиртулей погиб в сражении при Италике, которое состоялось в 75, а не в 76 г.¹⁰

Неудачи инсургентов автор объясняет не только исходом сражений, но и позицией местного населения (что обычно не учитывается), прежде всего римско-италийского, которое было недовольно не только тяготами войны, но и усилением позиций испанцев в деле управления провинцией. Отказали в поддержке повстанцам и многие туземные общины. Именно это, а не только и не столько провокации Перперны (если тако-

⁶ Об этом мотиве у Плутарха см. Короленков А.В. Об особенностях восприятия времени в Плутарховой биографии Сертория // *Studia historica*. Вып. IV. М., 2004. С. 112–114.

⁷ В тексте книги они по недоразумению названы харикитанами (с. 197–198).

⁸ Короленков. Квинт Серторий... С. 280–281.

⁹ Флор, говоря о ней, мог просто перепутать ее с битвой при Сегонтии (см. Konrad C.F. Segovia and Segontia // *Historia*. 1994. 43. P. 440–447).

¹⁰ Короленков А.В. Загадка битвы при Сеговии // *Studia historica*. Вып. I. М., 2001. С. 94–100. Подробнее см. *он же*. Последнее сражение Луция Гиртулея // ВДИ (в печати).

вые вообще имели место) послужили причиной казни многих учеников школы в Оске (Plut. *Sert.* 25. 4–6), поплатившихся жизнью за измену родителей.

В VI главе рассматриваются события завершающего этапа войны. Говоря о союзе Сертория и Митридата Понтийского, автор указывает, что еще в 85 г. Сулла фактически заключил союз с тем же царем, а в 81 г. марианцы в Африке действовали вместе с нумидийцами против Помпея, и Серторий продолжил «добрую традицию». По мнению И.Г. Гурина, он не получил помощи от Митридата или таковая пришла лишь в конце 74 или 73 г., когда не могла уже изменить ситуацию. Но что мешало Митридату отправить в Испанию обещанные корабли и деньги, когда на море господствовали враждебные Риму пираты? На исход войны это, действительно, повлиять не могло, но, несомненно, продлило ее¹¹.

В особом разделе И.Г. Гурин рассматривает вопросы хронологии и аргументированно возражает авторам¹², относящим события 75 г. к 76 г. До сих пор, заметим, эти хронологические «новшества» не подвергались обстоятельному анализу. Дополнительно обосновывается датировка гибели Сертория 73 г., а не 72 г. В то же время, к сожалению, не рассматривается вопрос о том, к какому времени относятся события, упомянутые во фрагменте ХС1 книги Ливия (см. выше).

Особое внимание автор уделяет положению в лагере инсургентов. Большинство в нем, как он полагает, стали племена – противники римского господства, и гражданская война против сулланцев превратилась в антиримское движение¹³. Римские воины Сертория жаловались, что ими командуют враги Рима (App. *BC.* I. 112). Сам же он из вождя восстания превратился лишь в военного предводителя, значение эмигрантского «сената» упало.

Автор отвергает точку зрения ряда ученых о захвате армиями сената в 73 г. Дальней Кельтиберии. По его мнению, можно говорить лишь о значительных успехах правительственных войск в этой области, но не о полном ее покорении. Война продолжалась и после разгрома армии Перперны, ставшего главой движения после убийства им Сертория, – испанские племена сопротивлялись и дальше. В основном это сопротивление было сломлено в 71 г., когда пал Калагуррис. Его капитуляцию, полагает И.Г. Гурин, античные авторы и считали концом Серторианской войны.

В заключении излагаются выводы. К сожалению, отсутствует раздел, посвященный влиянию Серторианской войны на дальнейшее развитие Испании.

Монография И.Г. Гурина несомненно является важным шагом в изучении данной проблематики. Впервые столь подробно и плодотворно исследуются роль населения испанских провинций в Серторианской войне, мотивы его поведения. Важные поправки внесены в реконструкцию хода боевых действий. Автор умело использует последние достижения археологии и нумизматики. Работу отличает блестящее знание историографии, причем не только XIX–XX, но и XVIII и даже XVII в. Это дает подчас весьма интересные результаты. Например, в литературе XVIII – первой половины XIX в. правильно считалось, что последнее крупное сражение Серторианской войны произошло при Сегонтии, но затем его «перенесли» в окрестности Сагунта, пока, наконец, в 1984 г. Ф.О. Spann не доказал правильность первоначальной точки зрения¹⁴. Так же до середины XIX в. смерть Сертория верно датировалась 73 г., но потом почему-то стали писать о 72 г. Лишь в 1961 г. У. Беннет убедительно обосновал более раннюю датировку¹⁵. Как тут не вспомнить старую истину о том, что новое – это хорошо забытое старое.

¹¹ Гуленков К.Л., Короленков А.В. Союз Митридата и Сертория // *Античность: общество и идеи.* Казань, 2001. С. 67.

¹² Из последних работ такого рода см. Konrad C.F. *A New Chronology of the Sertorian War* // *Athenaeum.* 1995. 83. P. 157–187.

¹³ См. также об этом, например, Greenhalgh P.A.L. *Pompey: The Roman Alexander.* L., 1980. P. 54.

¹⁴ Spann Ph.O. *Saguntum vs. Segontia. A Note on the Topography of the Sertorian War* // *Historia.* 1984. 33. P. 116–119. Еще в 1958 г. о том же писал Э. Габба (*Gabba E. Commento // Appiani bellorum civilium liber primus.* Firenze, 1958. P. 305), но он не предложил подобной аргументации, и его точка зрения осталась практически незамеченной.

¹⁵ Bennett W.H. *The Death of Sertorius and the Coin* // *Historia.* 1961. 10. P. 459–472.

Однако в работе с историографией встречаются и недоразумения. Так, на с. 231 автор пишет, что в последние десятилетия предпринимаются попытки передатировать смерть Сертория 73 годом, и к числу сторонников таких попыток отнесена работа Б. Скардильи, в которой, как следует ниже из изложения самого же И.Г. Гурина, в качестве даты смерти Сертория отскаивается не 73, а именно 72 год¹⁶. На с. 259 читаем: «Валенция также капитулировала в 71 г. в наместничество Л. Афрания», после чего дается ссылка на статью К.Ф. Конрада. Между тем в этой статье сказано следующее: из Флора «...известно, что сопротивление продолжалось долгое время после убийства Сертория. По-видимому, Валенция также капитулировала не сразу после этого. О продолжении прямых боевых действий против города или о его покорении говорить конечно, не приходится: до конца 72 г. войска Помпея и без того были заняты осадой очагов сопротивления на кельтиберском плоскогорье. *Остается предполагать* (курсив мой. – А.К.), что до ухода Помпея из Испании в конце 72 г. Валенцию не трогали и лишь в следующем году состоялась ее формальная капитуляция – уже перед новым наместником, Л. Афранием»¹⁷. Думается, что ссылаться на допущение как на бесспорный факт неверно.

Тем не менее, несмотря на эти огрехи и спорность некоторых выводов, монография И.Г. Гурина представляет большой интерес и является серьезным вкладом в исследование Серторианской войны.

А.В. Короленков

© 2005 г.

J.-M. BLÁZQUEZ. Trajano. Madrid: Издательство «Ariel» (серия «Biografías»), 2003. 309 с.*

Образ Траяна, с которым традиционно ассоциируется эпоха золотого века Римской истории, вызывает заслуженный интерес в современном европейском антиковедении. В испанской историографии последнего десятилетия этому императору отводится почетное место как выходцу из Южной Испании, своей деятельностью прославившему Рим. Работа Х.-М. Бласкеса «Траян» – одно из самых последних научных подтверждений этого тезиса. Особенность рецензируемого труда состоит в том, что по своему содержанию он не является чисто биографическим; его автор поставил задачу создания такого исследования, которое было бы посвящено также эпохе Траяна и базировалось бы исключительно на достоверных источниках (с. 15).

Работа состоит из пролога, введения, 13 глав и заключения. Она снабжена картами, таблицами, схемами, списком основной литературы. Специальная глава посвящена анализу источников и историографии темы (с. 19–30). В историографическом разделе приведены основные оценки личности Траяна, высказанные в современной европейской историографии, в том числе и в работах М.И. Ростовцева.

По мнению Х.-М. Бласкеса, особого внимания заслуживает характеристика личности императора Траяна, сформулированная С. Монтеро Диасом¹. В представлении этого мэтра испанского антиковедения XX в. Траян был фигурой весьма противоречивой, в своей деятельности он опирался то на постулаты Сенеки, то на принципы стоицизма (как видим, в понятии С. Монтеро сенекизм и стоицизм различались между собой). «Траян – более римлянин, чем Гай Юлий Цезарь, и такой же истинный римлянин, как Август». Две его основные страсти – это пашня и победа, война и сельскохозяйствен-

¹⁶ Scardigli B. Sertorio: Problemi cronologici // Athenaeum. 1971. 49. P. 259–270.

¹⁷ Konrad C.F. Afranius Imperator // Hispania antiqua. Valladolid, 1978. T. 8. S. 73–74.

* Рецензия подготовлена в рамках исследовательского гранта РФФИ (проект № 04-06-80095).

¹ Montero Díaz S. El estado universal de Trajano // Estudios Clásicos. Madrid, 1955. 3. P. 10–24.